Текст · 20 июня 2025, 14:04
Павел Васильев,

Чужие донаты, поездка в Украину и показания сестры. Что можно узнать из последнего слова Надин Гейслер о деле, по которому ей дали 2 года

30-летнюю белгородскую волонтерку Надежду Россинскую, известную как Надин Гейслер, приговорили к 22 годам колонии по делу о госизмене и содействии терроризму. В начале полномасштабной войны основанная ей волонтерская группа «Армия красоток» активно помогала украинским беженцам. Позже девушка уехала в Грузию, но затем вернулась в Россию и в феврале 2024 года была задержана. Поводом для ареста по статье о публичных призывах к деятельности против госбезопасности[1] стал пост в инстаграме с призывом жертвовать деньги украинскому полку «Азов». Причастность к этому аккаунту активистка отрицала. Впоследствии ей вменили госизмену и содействие терроризму[2].

2-й Западный окружной военный суд рассматривал дело Россинской частично в закрытом режиме. Два источника «Медиазоны» утверждают, что перед началом процесса сотрудники ФСБ настоятельно отговаривали белгородских журналистов от его освещения. Многие детали до сих пор неизвестны — однако последнее слово активистки, в котором она пункт за пунктом оспаривает версию следствия, проливает некоторый свет на фабулу обвинения.

В частности, из выступления девушки следует, что ей вменялось наведение беспилотников в Харьковской области, хотя в ее паспорте не было отметок о пересечении границы Украины, а показания против волонтерки дала ее сестра, которую доставили в суд из психоневрологического стационара в сопровождении санитара.

«Медиазона» публикует последнее слово Надежды Россинской с комментариями юриста Алексея Прянишникова, который координирует ее защиту.

---

1. Пункт «в» части 2 статьи 280.4 УК.
2. Статья 275 и часть 4 статьи 205.1 УК.

Ваша честь, я считаю, что все 14 томов моего уголовного дела состоят из лжи, теорий и предположений ФСБ. При рассмотрении дела по существу выходит, что никаких доказательств моей вины нет. А как здесь неоднократно было озвучено, слухи, догадки и предположения не являются доказательством. Принадлежность аккаунта не доказана, не установлено даже *IP* устройства. Переводы делались иностранной гражданкой лично со своего устройства и мобильного банка, к которым я не имела доступа, о чем она говорила не скрывая.

Как уточняет юрист Алексей Прянишников, координирующий защиту Надин, речь здесь идет об Ирине Переборщиковой — живущей в Грузии украинской волонтерке, которая «взаимодействовала с Надин по поводу всех эвакуаций».

> «Поскольку она не живет в России, ее и не смогли допросить по уголовному делу, то есть именно в качестве свидетеля, официально со статусом свидетеля. При этом она согласилась общаться с оперативником ФСБ по видеосвязи. В общем, в материалах дела есть расшифровка этого разговора», — говорит Прянишников.
> При этом реквизиты грузинской карты Переборщиковой указаны среди счетов, на которые Россинская собирала деньги — ссылка на эти реквизиты до сих пор доступна в ее инстаграм-аккаунте. То есть волонтерка собирала деньги для помощи беженцам на ту же карту, с которой Переборщикова затем могла «делать переводы» в Украину.

Я неоднократно слышала, чтобы людей судили за денежные переводы, даже если это было по незнанию, кому или на что предназначались деньги. Но я и разу не слышала, чтобы осудили человека, который не делал этих переводов и даже не мог осуществить это, возможно.

Более того, наш последний свидетель предельно ясно объяснил, что эти переводы — их личные с Ириной по предварительной договоренности, к которым я не имела отношения. Выходит, что бронежилет теории ФСБ не выдерживает обстрела реальностью.

> Упомянутый последний свидетель — это другой украинский волонтер, Сергей Ковальчук, который, по словам Прянишникова, дистанционно дал показания о том, что помощь Надин была адресована исключительно мирным жителям.

Если мы рассматриваем дело по существу, то какое отношение к этому имеет мой цвет волос или одежды в разные периоды моей жизни? Новости по РЕН ТВ — на синем фоне желтой строкой. На фасадах следственного изолятора, где я содержусь, ярко-синие таблички с ярко-желтой надписью «Казенное учреждение» или «Стоянка», я сегодня видела. Но они никого не смущают, не пугают, лишь теорию не дискредитируют. В конце концов флаг страны, в которой я родилась, голубой с желтым. Так все-таки покоя не дает цвет или я?

Почему сторона обвинения так пристрастно заостряет внимание на том, что я могу говорить, употребляя слова на украинском языке, как будто это является какой-то уликой? Или же украинский язык потенциально угрожает конституционному строю и безопасности Российской Федерации, в чем меня обвиняют с 1 февраля 2024 года? Этополнейший абсурд.

Ведь, согласно Конституции все той же Российской Федерации, я могу говорить абсолютно на любом языке. Нельзя выступать за защиту русского языка на территории Украины и при этом выставлять украинский язык на территории России чуть ли не в качестве доказательства вины.

В показаниях Василия сторона обвинения заостряет внимание дважды на том, что я помогла 11-летнему мальчику вернуться в Украину к матери, которая когда-то была в рядах ВСУ. Но не на том, что ребенок наконец-то воссоединился с матерью, которую не видел с самого начала вооруженного конфликта.

Я же заострю внимание на том, что когда вопрос ставится именно под таким углом, мы уничтожаем саму мораль и институт семьи. Ибо мать и дитя — это святое, неприкосновенное и не должно иметь политический окрас. Когда уполномоченная по правам ребенка Мария Львова-Белова дает интервью о том, что при ее содействии Веронику Власову вернули домой в Украину к матери, несмотря на то, что ее мать также является военнослужащей в Украине, в этом никто не видит проукраинскую позицию. Когда это делаю я — причем не за месяц, а всего за неделю, — моя добродетель закладывается в тома уголовного дела.

Я задаюсь вопросом: а в чем разница? Почему же меня не благодарят за помощь? Ведь это сделано не руками государства, а моими, при помощи таких же неравнодушных людей, как и я. Появляется ощущение, что я живу в каком-то антимире, где каждое мое слово и деяние искажается в любом зеркале.

Вопрос со стороны обвинения: «Благодарили ли меня когда-либо украинцы за оказанную им помощь? Делали ли они это публично?» — почему-то был адресован моей маме, а не мне. Но никто не ответит лучше меня на этот вопрос. Благодарили ли? С самого первого раза, когда я не оставила людей ночевать на улице, с 7 до 8 марта 2022 года.

Самые первые консервы и буханки хлеба. Благодарили по аудио и в видеозвонках, в сообщениях, в комментариях к моей социальной странице и группе, в моих публикациях и сторис. Благодарили лично за спасение своей жизни, за то, что ребенок одет, накормлен или получил лекарство. За то, что ребенок попросту нашелся на территории России и вернулся к матери.

Меня даже благодарили за то, что похоронила дочь по-человечески, а не оставила лежать ее труп в морге. Благодарили за то, что успели увидеть дедушку живым. И даже рассказали, что в последние дни своей жизни он попросил принести ему в больницу консервы из дома, которые я привезла ему в гуманитарную помощь. Со словами: «Консервы найдите, [они] самые вкусные». Этот человек помнил обо мне и моих поступках даже на одре смерти.

Благодарили меня и за то, что успели увидеть живым отца, который, будучи онкобольным, не остался в зоне боевых действий без жизненно необходимого, дорогостоящего препарата. Он получал его как гуманитарную помощь от меня. И почти каждую неделю мной были отгрузкимедицинских препаратов адресно на дом жителям Изюма. Почти на

800 человек в неделю, это не считая ЦРБ Изюма и ж/д поликлиники Изюма.

Благодарили меня за оплату жизненно необходимых операций на территории России, которые никто не собирался им делать бесплатно как лицам, пострадавшим от вооруженного конфликта. Меня благодарили главврачи больниц, которые я снабжала медикаментами. Хотя, полагаю, эта задача должна была лежать никак не на плечах неравнодушных россиян, которые просто по доброте душевной выполнили работу государства и еще и профинансировали ее.

Я, безусловно, всю свою деятельность говорю об этом открыто и публично, не скрывая ничего и не тая, нравится это кому-то или нет. Не менее важно, что все эти люди благодарили меня открыто тоже. Их совершенно не волновало мое гражданство, место рождения, национальность или на каком языке я говорю. В этом и есть наши общие прочеловеческие взгляды.

Хотя из всех предложенных взглядов здесь такого варианта не было, но у меня будет свой. Вопрос моих взглядов и позиции так часто поднимался при допросе и знакомых, и незнакомых мне людей. Я решила сама на него ответить, [хоть] меня никто и не спросил. Ничье благо или какие-то высшие цели не могут быть достигнуты или оправданы ценой человеческих жертв. Когда отрицают право одного человека, то попирают право всех людей, а общество из бесправных существ обречено на гибель. Лично я ни при каких обстоятельствах гибнуть не собираюсь, а посему заострю внимание на показаниях

свидетелей стороны обвинения. Показаниях, которые сыпятся при первом же вопросе, сильнее, чем минеральная пудра для лица бренда *Make Up Forever*.

Например, Владислав у нас заявляет, что сам лично видел публикации в моем инстаграме, где оказывается помощь людям, пострадавшим от затопления на территории Украины и подконтрольной Украине. Но при этом у него возникает ступор от незнания, что населенный пункт Олешки Херсонской области был под контролем вооруженных сил Российской Федерации.

Мне сложно также поверить и в то, что показания моей сестры Егоровой Елены воспринимаются всерьез. Как минимум потому, что еще до моего ареста и уже после него она заявляла, что в 2023 году я жила в Харькове и даже нашла там работу. Это есть и в ее показаниях, и в записи ее личного телефонного разговора с ее же матерью. Правда, сейчас на суде в сопровождении санитара из психоневрологического диспансера она говорит, что это же «бред какой-то, не могла я такого сказать».

С ее слов, у меня была переписка с самим [президентом Украины Владимиром] Зеленским, чем были крайне заинтересованы сотрудники контрразведки и в день моего ареста, и еще не один месяц после. Но сейчас она говорит, что это было шуточное сочинение с целью изучения украинского языка и грамотного письма. Она также говорит, что я внезапно пропала, исчезла безосновательно, но при этом меня даже никто не искал, не позвонили даже маме. В одних показаниях она говорит, что всего лишь пару раз зашла на тот самый аккаунт, а в других —

и вовсе: «Сама бы так подсказала,какие реквизиты разместить». О какой достоверности показаний тут вообще может идти речь?

> Как уточняет Прянишников, Елена Егорова — не родная сестра Россинской. Юрист отмечает, что защита располагала сведениями о том, что Егорова находится «в зависимости от каких-то седативных препаратов», и потому не доверяла ее показаниям. Впоследствии выяснилось, что девушка госпитализирована в психиатрический стационар.
>
> «Видимо, [на сестру] могло оказываться давление. Ввиду своего состояния она, я так полагаю, сказала то, что хотела услышать от нее следователь, — рассуждает юрист. — Она, после того как дала показания на следствии, очень жалела об этом. Она как-то пыталась добиться того, чтобы как-то оправдаться перед Надеждой. Видимо, уже в суде сестре удалось откорректировать свои показания. Мое предположение, что когда допрашивали на следствии, ее, похоже, застали в каком-то состоянии, при котором она не могла отдавать отчет своим словам».

А в засекреченных свидетелях я и вовсе разочаровалась. Ну, зато мы все от души посмеялись. Мне говорить правду легко и приятно. Я ждала этого момента. А им врать тяжело. Особенно потому, что они попросту не понимают, о чем говорят. И по незнанию в ответах на вопросы выдают информацию, известную только ФСБ.

«Бывшая волонтерка "Армии красоток"» — это у нас засекреченный свидетель — начинает показания с того, что мой личный аккаунт *nadin_skillz* был переименован в *ua_help_nadin*. И она тому свидетель, ведь, по ее же словам, с того момента, а именно ноября 2022 года, она не только смотрела мои публикации, но и делала их скриншоты, которые впоследствии были переданы следователю ФСБ.

Но в конце показания она все-таки вспоминает столь плохо заученный текст и выдает новую версию. Аккаунт *ua_help_nadin* был создан летом 2023 года с нуля. И она это видела своими глазами. Так как я на своей личной странице *nadin_skillz*, далее переименованной в *nadin_geisler*, разместила ссылку на аккаунт *ua_help_nadin* открыто для всех. Но почему-то никто из нескольких тысяч подписчиков этого не видел. Нет тому доказательства ни среди публикаций, ни среди сторис.

В суде по избранию меры пресечения Надежде Россинской стало известно, что ей вменяется авторство ныне удаленного аккаунта **ua_help_nadin** в инстаграме, где якобы собирали деньги украинским военным из «Азова». В твиттере сохранился пост пользователя **@ililjkl** с фотографией Надин и текстом: «Веду второй инстаграм на английском где называю вещи своими именами, если вы в безопасности и можете репостить ВСЕ — откликнитесь, помогите раскачать аккаунт **@ua_help_nadin**».
Как отмечает Прянишников, сама волонтерка отрицает причастность к этому аккаунту в инстаграме.

Не менее удивительным является и то, что наш засекреченный свидетель знает то, что знает только ФСБ. А именно все мои передвижения между странами. И, собственно, то, какие это страны были. И даже марку и модель телефона, который мне дали в Грузии. Вот только если изучить все мои публикации и сторис, то любому человеку станет понятно, что я никогда не афишировала страну, в которой нахожусь. Тем более страны на маршрутах. К экстрасенсорным способностям я также отнесу и то, что она знает о модели телефона, а не просто о марке. Я снова задаюсь вопросом: а для кого этот цирк?

По мнению Прянишникова, «одна из тайных свидетелей больше похожа на выдуманного человека»: в суде она не давала показаний, протокол допроса огласили в ее отсутствие. «Судя по тому, какие показания давала эта тайная свидетель, они не могут относиться ни к кому из волонтеров, с которыми Россинская взаимодействовала: те факты, якобы факты, которые она излагала, те слова не подходят ни одному из тех людей, с которыми Надин общалась и взаимодействовала при осуществлении эвакуации украинцев», — настаивает он.

Юрист говорит, что в деле нет ни одного доказательства тому, что упомянутые аккаунты действительно управлялись Надин Гейслер.

«То есть та деятельность по эвакуации мирных граждан Украины и животных, каких-то приютов с большим количеством собак, которую вела Надежда, следствием и обвинением,

> а впоследствии судом интерпретирована как деятельность по сбору денег и их перечислению на нужды ВСУ. При этом ни одного объективного доказательства этому нет», — считает Прянишников.
>
> «Уникальность данного дела вообще заключается в том, что, в отличие от других подобных дел по обвинениям в содействии терроризму или в госизмене, где присутствуют хоть какие-то попытки доказать, например, транзакции по переводам денег ВСУ. Здесь же эти попытки даже никто и не думал предпринимать, а просто взяли публикации в инсте с реквизитами банковских карт, в которых нет ни слова про сборы для военных нужд, и обозвали это финансированием ВСУ. То есть такая презумпция госизмены в виде финансирования ВСУ в отношении любой помощи мирным гражданам Украины», — добавляет юрист.

Показания засекреченного свидетеля в СИЗО не менее прекрасны. Шедевры выдаются с самого начала. То мы познакомились в СИЗО, то не в СИЗО. А уже в третий раз, когда я задала вопрос с целью подчеркнуть эти разногласия, нам дается отвод, отказывается отвечать! Видимо не знает, как ответить так, чтобы было более-менее понятно, правдоподобно.

Она с уверенностью заявляет, что я помогала украинской армии с начала СВО[1]. Но потом, видимо, уже позабыв о своих словах, [заявляет, что я] помогала украинской армии с конца 2022 года. Так все же?

> Как говорит Алексей Прянишников, Россинская из камеры в СИЗО передавала, что у нее новая соседка — «разговорчивая девчонка, тоже с какой-то там такой фирменной статьей, назовем это так, что-то такое, связанное с терроризмом якобы». Эта сокамерница стала «постоянно вытягивать ее на разные откровенные разговоры, касавшиеся исключительно самого дела».
> Надин, по словам юриста, заподозрила, что общительную сокамерницу к ней подсадили сотрудники СИЗО, и впоследствии это подтвердилось: ее показания попали в дело и легли в основу одного из обвинений.
> «По всей видимости, перед ней была поставлена цель собрать как можно больше информации, которая бы означала признание вины Надеждой, но этого не получилось — ничего ценного в показаниях этих тайных свидетелей нет», — считает он.

Кульминацию показаний я записала дословно. «Вела прямую трансляцию с территории, подконтрольной Украины, а именно из Лимана, и закодированным способом координировала работу дронов». То есть я вела прямую трансляцию с Украины. И опять-таки, ни один человек на планете ее не увидел.

Нет ни одного доказательства. Более того, я координировала дроны. Логично предположить, что для координации БПЛА необходимо сообщать оператору координаты или ориентиры на местности, ведь обзорс воздуха значительно отличается, нежели с земли.

Кроме того, обычно люди, занимающиеся этим, надевают форму цвета хаки, всякие костюмчики,

ведь, не допуская идеи, чтобы их никто не распознал. Я же как будто с самого младенчества воспитывалась спецназом, делала это открыто и онлайн, сверхзакодированным способом.

Я человек не военный. Может быть, слишком глупа, чтобы увидеть здесь логику, но слишком умна, чтобы отрицать ее. Стороне обвинения совершенно не стыдно подшивать к материалам дел документы, якобы подтверждающие мое нахождение на территории Украины в 2023 году. Просто одним своим существованием.

Допустить, что это правда, — значит допустить, что я могла телепортироваться из одной страны в другую, проскочив третью, и проделать весь этот путь обратно, направляясь уже в четвертую страну. Без единого штампа в паспорте. Получается, тут заговор на самом высшем уровне между спецслужбами: Грузия, Турция, Молдова и Украина.

И, кстати, речь идет о том самом паспорте, который есть в материалах дела и все это время был у ФСБ, хоть они убеждали всех в обратном. И здесь опять-таки ставится вопрос ребром: ну как же мое слово может быть против слова ФСБ? Если они год говорят, что паспорта нет, значит, его нет. А потом он может появиться, и все. Это ФСБ!

До выступления Россинской с последним словом о подобных обвинениях в ее адрес не было известно. По словам Прянишникова, следствие вменяло активистке «все подряд».

> «Дурость всей ситуации заключается в том, что есть загранпаспорт и там нет никаких отметок относительно того, что она туда въезжала, и она не въезжала через территории, где ведутся боевые действия. В тот период, который ей вменяют, ее в Украине не было, и силовики сами это прекрасно знают, у них на руках ее загранпаспорт, они все там видят», — подчеркивает защитник.

Им, я так полагаю, нужна была фора в год, чтобы более правдоподобно сфабриковать материалы дела. Сюжетных дыр и в материалах дела, и в показаниях свидетелей так много, что они вполне могли бы послужить маскировочной сеткой на поле боя.

Сторона обвинения как будто прослушала дачу показаний волонтеров в суде, где все, за исключением засекреченного волонтера, подтверждают: я сама лично даже давала свой телефон лично в руки волонтеров, чтобы они могли выставить пост или поотвечать на звонки или сообщения. И это же было на глазах у всех, эти показания.

Каждый раз свидетели спрашивали о моей гуманитарной деятельности, но я до сих пор не имела возможности рассказать о ней в полной мере. В зоне боевых действий люди получали от меня помощь в виде месячного набора продуктов, медикаментов, средств гигиены и бытовой химии.

Месячный набор на человека, и представлял он собой строительный мешок объемом 50 литров, и каждый месяц у меня были отгрузки по каждому населенному пункту. И это были почти все населенные пункты, которые были под контролем вооруженных сил

Российской Федерации. Везде, где я могу оказаться, я приложу все усилия, чтобы оказаться и помочь этим людям.

Помимо прямой помощи людям, также привозились медикаменты в больницы, в которых не то что не было кровоостанавливающих препаратов, но даже физраствора. Разумеется, помощь оказывалась и животным, я с этого начала: домашним, бездомным, питомникам и приютам. Закупались корма, крупы, ветпрепараты, клетки-переноски, даже чтобы люди могли выехать со своими питомцами.

Я просто в один момент представила, как мне выжить, если бы я сейчас оказалась, ну, допустим, где-нибудь в глуши в помещении: у меня нет света, у меня, возможно, нет воды, у меня пустая вся аптечка, у меня нет ни крошки в холодильнике, в шкафу, нигде. И у меня животные, возможно, у меня даже дети. Что мне нужно? Я подумала об этих людях так, как о своих родных. И я уверена, что думать о них должны были другие, у кого есть средства их содержать, кто в ответе за все это.

Оказывалась помощь беженцам на территории Белгорода в зависимости от состава семьи, их мобильности и состояния здоровья. Мы снимали для них жилье, обеспечивали необходимым для жизни: надувными матрасами, постельными принадлежностями, посудой, одеждой и обувью, продуктами, бытовой химией, средствами гигиены, медикаментами и средствами медицинской реабилитации.

Оплачивали операции, консультации врачей и выезд медсестер на дом. Больных и раненых навещали в больнице и привозили все необходимое. Помощь беженцам в большинстве случаев доставлялась нам, но также приходили люди к нам на склад. Причем началось с того, что их ко мне отправляли из белгородского Красного Креста, у которого есть финансирование государства, у меня же нет ничего. Отгружалась гуманитарная помощь им даже в ПВР «Вираж», где размещались беженцы. Просто потому, что ее там не хватало.

Получается, что на территории боевых действий я пытаюсь сделать все, что нужно человеку для того, чтобы выжить. У него есть еда на месяц, не пакетик — мешок. Он ни один день не должен просидеть без хотя бы кусочка мяса. У него есть крупы, у него есть медикаменты, обезболивающие, жаропонижающие, противовирусные, противовоспалительные, есть все для перевязки — помимо того, что привозилось людям на год и также все необходимое по каждому запросу.

В больницы я привозила <ўирзбўдля экстренной помощи при ранениях. Кто еще подумал так об этих людях? Вот положа руку на сердце?

Оплачивались также услуги перевозчиков для эвакуации людей, и покупались билеты для дальнейшего маршрута, так как у многих имелись родственники из других городов России или стран. В Белграде и по маршруту оплачивали ночлег в хостеле и питание. То есть человек получает помощь там, ему помогают эвакуироваться, ему помогают жить в Белгороде и на территории России полностью.

Вот как если бы стоял передо мной голый человек без документов, без ничего, и мы помогаем восстановить ему документы, подтвердить его личность, даже организовывали так, чтобы на дом к нему приезжали и восстанавливали. Мы его одевали, обували, кормили, лечили, если была необходимость, или мы не могли сделать этого сами по какой-то причине, мы помогали ему соединиться с его родственниками — и на территории России и за пределами. И оплачивали, и организовывали сопровождение и инвалидов, и лежачих — всех.

К сожалению, в перечень оказываемой нами помощи также входили оплата и организация похорон. За все время своей деятельности я старалась сделать так, чтобы человек, лишившийся буквально всего и даже документов, оказался в человеческих условиях, знал и чувствовал, что он не один, что его жизнь ценна и важна и за его право на жизнь будут бороться.

Мое желание помогать вызвано ценностью этих людей и их жизни и того факта, что они страдают незаслуженно. Есть мой собственный моральный кодекс, по которому я живу, есть свод законов, охраняющих саму жизнь и человека, и животного, и даже растений. И я не перестану говорить правду

из-за угроз, коих было за все эти три с половиной года очень много.

Если за это меня хотят подвергнуть наказанию,
то какова сущность тех, кто хочет меня наказать?
Да мало того, придать процедуре видимость законности. На протяжении всего следствия меня склоняли принять на себя незаслуженную вину. Меня шантажировали не преступлением, а добродетелью. Мне обещали, что я сгнию в стенах системы, что я пойду по стопам Алексея Навального, намекая на мое здоровье, что я никогда не рожу.

По словам Прянишникова, Надежду Россинскую в СИЗО регулярно посещал оперативник, уверенный, что если она «помогала украинцам, значит, помогала врагам».
«На протяжении всего следствия к ней просто бесконечно ходил один оперативный сотрудник и ее разными способами где-то припугивал, приносил странные книжки с намеками, где-то уговаривал, что "ты признай вину, и мы сделаем так, что тебе назначат меньшее наказание". Это все указывает на то, что позиция у следствия и обвинения была шаткая и они очень сильно беспокоились, что она не признает вину, и разными способами это пытались от нее получить».

Но даже если меня осудят, если я и закончу свою жизнь в стенах колонии, то не умру бездетной, как этого хотели некоторые. Я сама наградила себя правом считаться многодетной матерью. Матерью всех детей, которым удалось помочь. И никакое

наказание никогда не затмит радость и осознание того, что все они живы и в безопасности.

Можно сфабриковать материалы дела. Можно запугать и создать свидетелей. Но невозможно уничтожить правду в виде десятков тысяч людей, которым была оказана помощь, и миллионов людей — тому свидетелей. Я боролась за каждую человеческую жизнь всеми возможными и невозможными способами. Я позволяла себе роскошь в виде личного мнения и его публичного высказывания. Я говорила правду, которую хотели скрыть.

Но я не преступник и не убийца, а на моих руках нет ни капли крови. А мне все равно запросили 27 лет. Так же, как и требовали. Но моя первостепенная цель — не быть на свободе, а быть человеком.

Если все-таки меня не оправдают и если вдруг будет запрашиваемый срок 27 лет, дайте тогда 27 лет и один день. Пусть хоть что-то необычное будет. Побью новый женский рекорд[2]. У меня все. Спасибо, что вы слушали.

При участии Елизаветы Нестеровой

Редактор: Дмитрий Швец

---

1. То есть с 24 февраля 2022 года. Российские власти называют «специальной военной операцией» полномасштабное вторжение в Украину.
2. Пока что самый большой известный срок — 27 лет лишения свободы — был назначен Дарье Треповой по делу об убийстве Z-военкора Владлена Татарского.